

АСЫ ПРОТИВ АСОВ

The image features a stylized logo for the text "АСЫ ПРОТИВ АСОВ". The text is rendered in a bold, black, sans-serif font and is contained within a white banner that has a slight upward curve at its ends. The banner is framed by a black border that includes two circular motifs, one above and one below the text, each with a small cross-like shape extending from its center. The entire logo is centered on a plain white background.

Евгений Полищук

«Сталинский сокол» № 1

**«Ахтунг!
В небе Покрышкин!»**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2013

УДК 355/359
ББК 68
П 50

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Шпакова*

Полищук Е.

П 50 «Сталинский сокол» № 1. «Ахтунг! В небе Покрышкин!» / Евгений Полищук. — М. : Яуза, Эксмо, 2013. — 416 с. — (Асы против асов).

ISBN 978-5-699-64318-9

«Ахтунг! Ахтунг! В небе Покрышкин!» — неслось из всех немецких станций оповещения, стоило ему подняться в воздух, и «непобедимые» эксперты Люфтваффе спешили выйти из боя. «Храбрый из храбрых, вожак, лучший советский ас» — сказано в его наградном листе. Единственный Герой Советского Союза, трижды удостоенный этой высшей награды не после, а во время войны, Александр Иванович Покрышкин был не просто легендой, а живым символом советской авиации. На его боевом счету, только по официальным (сильно заниженным) данным, 59 сбитых самолетов противника. А его девиз «Высота — скорость — маневр — огонь!» стал универсальной «формулой победы» для всех «сталинских соколов».

Эта книга предоставляет уникальную возможность увидеть решающие воздушные сражения Великой Отечественной глазами самих асов, из кабин «мессеров» и «фоккевульфов» и через прицел покрышкинской «Аэрокобры».

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-64318-9

© Полищук Е.Д., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

От автора

«Тревога! Тревога! Покрышкин в воздухе! Покрышкин в воздухе!» — неслось в воздух с земли на Кубани с мая по август 1943 года. Это немецкие наводчики предупреждали своих пилотов — в районе боевых действий появилась смертельная угроза. Крутили в ужасе головами молодые пилоты, лихорадочно разыскивая в небе силуэт красноносой «аэрокобры». Невольно прижимались друг к другу опытные, норовя при первом же удобном случае повернуть на свой аэродром. Появление советского аса всегда было неожиданным, атаки молниеносными, кинжальные удары — смертельными.

Александр Иванович Покрышкин был безоговорочно признан лучшим летчиком-истребителем Великой Отечественной войны всеми советскими специалистами и летчиками-ветеранами. «В бою все средства хороши, — не раз говорил он. — Надо было лишь знать, когда их применять, в какой обстановке и в каких комбинациях».

Не раз встречался в боях Покрышкин с довольно сильными противниками, пилотировавшими, может быть, не хуже его. В таких случаях, прощупав немца, он отказывался от обычных приемов и применял новые. Порой, встретив опытного и хитрого противника, Александр Иванович не мог сразу предугадать его замысел. Тогда он дублировал маневр немца, внимательно наблюдал за каждым его движением и, в конечном счете, ловил его на допущенной ошибке и сбивал.

Все немецкие летчики на Кубани знали фамилию Покрышкина очень хорошо, впрочем, как и фамилии других

советских асов — Фадеева, братьев Глинка, Скоморохова, Семенишина и других. За ними специально охотились.

А. И. Покрышкин проявил себя и как выдающийся авиационный педагог, воспитавший целую плеяду блестящих летчиков-истребителей. Только в 16-м гвардейском истребительном полку, а потом в 9-й истребительной дивизии, которыми он командовал, были четыре дважды Героя и тридцать девять Героев Советского Союза. Около девяносто человек были награждены орденами страны.

В предлагаемой книге в литературно-художественной форме описан самый «звездный» период жизни А. И. Покрышкина и его однополчан — участие в боях за Кубань и Крым в 1943 году. За этот год Покрышкин был трижды представлен к званию Героя. Такого история советской авиации еще не знала!

Книга является данью глубочайшего уважения к русским людям, патриотам своей страны, продемонстрировавшим всему миру образцы высочайшего героизма, мужества и человеческого достоинства. Это попытка связать прошлое с настоящим. Ведь история, наверное, для того и существует, чтобы мы не забывали о подвигах наших отцов и дедов.

В книге использованы воспоминания самого А. И. Покрышкина, его жены Марии Кузьминичны, публикации Ю. А. Жукова, А. В. Тимофеева, Ю. С. Устинова, материалы военных архивов и статьи военных специалистов.

Автор

Возвращение в Краснодар

1

В середине февраля 1943 года Южный фронт, освободив город Ростов, отрезал не успевшую выбраться через ростовскую «горловину» на широкие просторы Украины 17-ю немецкую армию генерал-полковника Руоффа. За ее спиной оказались Черное и Азовское моря.

Разгром этой группировки возлагался Ставкой Верховного Главнокомандования Советской Армии на Северо-Кавказский фронт. Освободив в ходе ожесточенных боев Пятигорск, Нальчик, Минеральные Воды, Ставрополь, Майкоп и Краснодар, этот фронт 22 февраля свое наступление вынужден был приостановить. Ранняя весна, вызванная ею распутица привели все грунтовые дороги в негодность. Кругом стояла непроходимая грязь. Аэродромы, неоднократно в ходе боев переходившие из рук в руки, от постоянных бомбежек оказались разбитыми, а железные и автомобильные дороги немцы при отступлении разрушили. В итоге войска Северо-Кавказского фронта оказались без боеприпасов, продовольствия, отстали танки и артиллерия.

Гитлеровское командование, используя создавшуюся паузу, руками советских военнопленных и местного населения начало срочно возводить три оборонительные линии под общим названием «Готтенкопф», которые позже русские назовут «Голубой линией». С созданием этих линий обороны Гитлер и его генералы связывали большие надежды, считая, что они позволят сохранить кубанский

плацдарм для последующего развертывания с него новых наступательных операций на Кавказе.

Уже 28 марта начальник немецкого генерального штаба генерал Цейтлет сообщил командующему группы армий «А» фон Клейсту: «Фюрер решил, что 17-я армия должна удерживать позицию «Готтенкопф», включив в нее Новороссийск, во что бы то ни стало».

Включение Гитлером города Новороссийска в позиции «Готтенкопф» принесло немецкому командованию немало хлопот. Дело в том, что Новороссийск немцы пока удерживали, но русские под городом ухитрились создать насыщенный войсками плацдарм, который ставил под угрозу все оборонительные линии.

Сил у генерал-полковника Руоффа на Таманском полуострове и кубанском плацдарме было предостаточно — около 350 тысяч солдат и офицеров. К тому же ему планировалось оказать помощь авиацией, которая на Тамани, в Крыму и на юге Украины располагала сетью аэродромов с бетонными взлетными полосами, в то время, как у Северо-Кавказского фронта был единственный такой аэродром в Краснодаре, но и тот находился на значительном расстоянии от полей будущих сражений. Грунтовые аэродромы в связи с весенней распутицей использовать пока было невозможно.

Меж тем весна уверенно вступала в свои права. Установилась теплая, солнечная погода. Прикубанские чернозольные лиманы заполнялись перелетной птицей. Ночью, когда в лунном золоте плесов играли белобрюхие сазаны, высоко в небе слышалось курлыкание вечных странников — журавли, тяжело помахивая могучими крыльями, летели в свои заветные места. Шумели воды Кубани, кружились под крутояром пенные стремнины, и молочай над отслоенным глинищем вытягивал липкие растопыренные стебли. Поднимались степные травы, пустынные поля, густо помеченные воронками от снарядов и бомб, гостеприимно принимали грачиные стаи.

Восьмого апреля, после полудня, шестерка американских истребителей «аэрокобра» на бреющем с грохотом прошла над взлетной полосой аэродрома в Краснодаре и

сделала горку. На высоте около двухсот метров ведущий перевернул свой самолет на спину, потом выровнял его и, заложив крутой вираж, с ходу пошел на посадку. За ним маневр повторили остальные. Один, правда, несколько замешкался, сделав недостаточно энергичный разворот.

— Вот это да! Вот это мастера! — восторженно воскликнул кто-то из летчиков, наблюдавших на стоянке за посадкой новеньких.

— Наши пришли, 16-й гвардейский! — с гордостью сообщил техник, невысокий коренастый крепыш, стоявший рядом с наблюдавшими. — О Саше Покрышкине слышали?

— Нет.

— Ну ничего, скоро услышите, — уже на ходу бросил он, торопливо направляясь к первому из прилетевших истребителей под номером тринадцать. Все прибывшие были с красными обтекателями винтов и такой же красной вертикальной полосой на киле. Несколько непривычно выглядели эти боевые машины: носовая стойка шасси вместо задней опоры, как у наших истребителей, поддерживала самолет спереди, отчего его хвост был постоянно приподнят.

Первая «кобра» закончила пробег, подрулила к краю бетонированной полосы, резко развернулась на месте и затихла. Съезжать с полосы было опасно — кругом стояла непролазная кубанская грязь, и все самолеты теснились на полосе один возле другого, словно воробьи на заборе.

У истребителя, как у автомобиля, открылась боковая дверца, из кабины быстро выбрался летчик, снял с себя и оставил на крыле парашют, кожаный реглан, быстрым движением привычно одернул гимнастерку со шпалами капитана на петлицах, надел на голову примятую «блинчиком» фуражку, которую достал из-под сиденья, и прыгнул на землю. Слегка прихрамывая на правую ногу, пилот отошел от самолета в сторонку и остановился.

Был он выше среднего роста, широк в плечах, стройный, с развитой мускулатурой. Во всех его движениях сквозила упругая точность, свидетельствующая о хорошем владении своим телом. Его сухошапое, резко очер-

ченное лицо выражало недовольство, он хмуро поглядывал вокруг, осматривая аэродром, видимо, ожидая, пока подойдут его товарищи.

Пять летчиков, весело переговариваясь между собой, уже спешили к нему.

— Как машина, товарищ гвардии капитан? — спросил у летчика подбежавший невысокий техник.

— Подожди, Гриша!

Техник послушно отошел в сторону. Летчики приблизились.

— Неважно садились, — негромким баском отрывисто заговорил капитан. — Ты, Козлов, почему замешкался на выраже? Думал, я не увижу? Так тебя «худой» и срежет, если будешь медлить при посадке. Понял?

— Понял, товарищ гвардии капитан.

«Худыми» летчики между собой называли немецкие истребители «Мессершмитт-109», или просто «Ме-109», или «месс».

— Ладно, пошли на КП. Потом разберемся, — командовал капитан, и все энергичным шагом направились в сторону развевающегося вдалеке флага и стоявшей рядом с небольшим строением — командным пунктом, КП, как сокращенно называли его летчики — легковой автомашины.

Там прилетевшие ранее летчики о чем-то оживленно переговаривались. Прибывшие тоже активно включились в разговоры. Все с тревогой и волнением поглядывали на горизонт — ждали прибытия третьей эскадрильи под командованием Вадима Фадеева. Вел ее опытный пилот, штурман полка Пал Палыч Крюков.

— Куда же твой друг делся, Саша? — спросил у бывшего капитана командир второй эскадрильи Тетерин, один из тех, кто начал воевать с полком в Молдавии в сорок первом. — Не могли же они пропасть с таким штурманом, как Пал Палыч!

Капитан промолчал. Он вообще по характеру был человеком сдержанным и немногословным. «Действительно, где же они? Все сроки уже прошли, — размышлял он. — Может, с ними что-нибудь случилось на маршруте?»

— Думаю, их можно уже не ждать. Полетное время вышло. Видимо, сели на другом аэродроме, — наконец ответил капитан Тетерину.

Командир вновь прибывшего 16-го гвардейского истребительного полка майор Исаев нервно прохаживался в сторонке. Увидев капитана, он с досадой бросил:

— Вот, Покрышкин, результаты деятельности в полку вашего Иванова. Это не гвардейцы, а разгильдяи!

Иванов командовал полком с начала войны, а летом сорок второго по ранению был отправлен в тыл, и его сменил Исаев.

— Перелетал весь полк, — парировал Покрышкин. — Видимо, командиру самому надо было его вести...

Намек был прозрачен. Исаев плохо летал и побоялся возглавить перелет полка в Краснодар.

— Ты свои привычки указывать начальству брось! — вспылил Исаев. — Видимо, мало мы проучили тебя в прошлом году.

Стоявший рядом с Покрышкиным заместитель командира полка по политчасти Погребной дернул Александра за рукав гимнастерки.

— Не связывайся ты с ним, Саша! Держи себя в руках, — шепнул он.

— А чего он свою злость срывает на Иванове! Нас, боевых летчиков, разгильдяями называет. А сам? За полтора года пребывания в полку он не сделал ни одного боевого вылета! Только и знает, что командовать...

Ответить Погребной не успел.

— Михаил Акимович! — обратился к нему Исаев. — Забирайте людей и устраивайтесь с жильем!

— Есть, товарищ командир!

Погребной махнул рукой, и все летчики дружно двинулись к небольшому строению, видневшемуся вдалеке. Шли и чертыхались — черная тягучая грязь липла к сапогам, превращая их в пудовый груз.

Наконец добрались. В просторном длинном помещении вдоль стен были оборудованы двухэтажные нары, на нижних полках которых уже разместился летный состав 45-го истребительного полка, перебазировавшегося

в Краснодар раньше. 16-му пришлось довольствоваться вторым этажом.

С шутками летчики взялись взбивать на нарах соломенные матрасы, раскладывать свои пожитки, с опаской поглядывая на тонкие стойки, подпирающие второй этаж, — выдержат ли они.

— Нашего Вадима эти нары точно не выдержат. Клянусь! — бросил кто-то из шутников.

Все дружно захохотали. За тему ухватились и стали дружно ее развивать.

— Вот нижним достанется!

— Ничего, будут долго помнить гвардейцев!

По бараку то и дело катился хохот.

— Весельчаки прибыли, — сердито пробурчал кто-то с нижнего этажа. — Посмотрим, как они будут веселиться, когда с «худыми» встретятся!

Покрышкин, бегло осмотрев постель, сложил на нее свои пожитки и направился к Погребному, который стоял в конце коридора и о чем-то беседовал с командиром батальона аэродромного обслуживания, или, как все его называли — БАО.

— Товарищ замполит! Разрешите выехать в город — нужно постричься и прикупить кое-что по мелочи.

О мелочах Покрышкин придумал — просто ему хотелось осмотреть город.

— Можешь дать ему машину? — обратился Погребной к командиру БАО.

— Мой «газик» вас устроит? — спросил тот у Покрышкина.

— Вполне.

— Тогда берите и езжайте.

Услышав о предстоящей поездке, стоявшие рядом летчики тут же заявили, что им тоже надо постричься. «Газик» оказался заполненным до отказа.

2

С тяжелым сердцем Покрышкин возвращался в город своей молодости. Здесь до войны он учился летать на планере, в местном аэроклубе поднялся в свой первый само-

стоятельный полет на «У-2», наконец, здесь добился разрешения на поступление в летную школу и отсюда уехал в городок Кача под Севастополем, чтобы стать военным летчиком. Сколько же сил и энергии он потратил за те девять лет, чтобы завоевать право встать в строй военных летчиков-истребителей! Об этом знал только он один. И произошло все это всего лишь пять лет назад. Пять лет, но сейчас ему казалось, что это было так давно.

Из газет он уже знал, что Краснодар сильно разрушен. И вот сейчас, сидя за рулем набитого летчиками «газика», медленно и осторожно лавируя между завалами камней, срубленных деревьев, воронок, он не узнавал знакомые и близкие его сердцу места. На месте красивых домов стояли закопченные кирпичные остовы стен с пустыми глазницами, бывшими когда-то окнами и дверями, вместо густых тенистых аллей, — обугленные, расщепленные столбы, которые уже никогда не зазеленеют. Где эти зеленые, нарядные, заполненные людьми улицы, залитые огнями витрины магазинов?

Вот здесь была библиотека — сколько раз он брал тут книги, работая над чертежами своих рационализаторских предложений, или когда готовился к экзаменам в Академию военно-воздушных сил. Здесь был кинотеатр, — показывал он ребятам на мрачную каменную коробку, — тут молодые авиатехники смотрели фильм «Веселые ребята», выпуски кинохроники о боях в Испании, а потом бурно обсуждали события в мире. Какой далекой сейчас казалась ему эта война, и как близко принимал он ее тогда к сердцу.

...Он песенку эту твердил наизусть...

Откуда у хлопца испанская грусть?

Ответь, Николаев, и Харьков, ответь:

Давно ль по-испански вы начали петь?

Откуда ж, приятель, песня твоя:

«Гренада, Гренада, Гренада моя».

Кто из комсомольцев не напевал тогда эту песню? А вот и большой дом — «стоквартирка», где он прожил три года. То, что от него осталось, коробку, он узнал сверху,

когда подлетал к Краснодару. Вот там была когда-то его комната...

Офицеры выбрались из «газика» и пошли пешком. Покрышкин показал, где раньше располагался Дом офицеров, незаметно подошли к аэроклубу. Перед его разрушенным зданием Саша остановился и замолчал. Сердце защемило от горестных воспоминаний, ребята, сочувствуя, тоже приумолкли...

Они гуляли уже около двух часов и порядком устали. Увидев на одном из уцелевших зданий вывеску «парикмахерская», кто-то сказал, что неплохо бы все-таки постричься, и все дружно повернули к входу.

В большой комнате помещалось три обшарпанных стола с зеркалами на них и такие же обшарпанные кресла. За первый стол, оказавшийся свободным, сел Покрышкин, и им тут же занялся седой, узкогрудый старик с большим крючковатым носом.

— Вы меня не узнали? — спросил его Александр. — Вы оставались в городе или эвакуировались?

Старый мастер внимательно посмотрел на капитана, и слезы непроизвольно потекли из его глаз. Только теперь он узнал своего клиента, неоднократно стригшегося у него до войны.

Старик всегда был словоохотливым человеком. Раньше от него можно было узнать все городские новости. Теперь он изменился. Радости от неожиданной встречи хватило ненадолго, он как-то сразу сник и тихо заметил:

— Боюсь, что вы вряд ли встретите в городе кого-то из старых знакомых. В Краснодаре больше мертвых, чем живых...

И пока стриг и брил Покрышкина, он медленно, бесстрастным голосом, рассказывал о «новом порядке», установленном немцами в оккупированном городе — о виселицах в парке, о трупах в противотанковых рвах, о «душегубках» — автобусах, в которых людей душили окисью углерода.

В зале стало совсем тихо. Женщины-парикмахерши прекратили работу и скорбно молчали.

Покрышкину стало не по себе. С трудом дождавшись, пока летчики закончили стрижку, он вышел на улицу. Его спутники тоже заторопились.

— Надеюсь всех вас увидеть в моем кресле после победы над врагом!

Они оглянулись. Старый мастер стоял у двери и махал им вслед рукой.

Все молча погрузились в машину и поехали. У Александра крутились в голове строки Симонова:

Когда тыходишь в город свой
И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой
Детей высоко поднимают;
Пусть даже ты героем был,
Но не гордись — ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.
Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту минуту,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину...

3

По прибытии из города летчики узнали, что эскадрилья Фадеева так и не прилетела. Пора было устраиваться на ночлег.

Не успели они снять обмундирование, как снаружи послышался треск мотоцикла. Потом он умолк, и через минуту раздалась команда дневального: «Смирно!» Все вскочили.

Покрышкин вместе со всеми встал по стойке «смирно». По коридору барака, прямо на него, быстро шел коренастый военный в фуфайке без знаков различия. За ним едва поспевал командир полка Исаев, делая на ходу окружающим отчаянные знаки. Дойдя до Покрышкина, военный остановился, подал команду «вольно» и первым протянул Саше руку: